

МОТИВЫ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА

Подряднов С.А.
студент 3 курса
КФУ ИФМК
г. Казань, Россия
InMyDepthPleaseBlameStepaP@gmail.com
Научный руководитель – Крылов В.Н.,
д.ф.н. профессор
krylov77@list.ru

В черновиках к «Рассказу о семи повешенных» Л. Андреев запишет: «...каждый день в разных концах страны люди верёвкою давили других людей, называя это смертной казнью через повешение» [2, с. 590]. Схожую оценку выразил и Ю.И. Айхенвальд считавший, что в повести жизнь «такая страшная, такая дикая, такая обильная смертью, и, что неизмеримо больше смерти, смертной казни» [1, с. 73]. И тогда возникает вопрос, как же можно интерпретировать эти убийства? Стоит упомянуть и Г.И. Чулкова, наметившего в рецензии «Казни», что тема произведения не психологическая, а религиозная, ужас же смертной казни заключается «в нарушении Закона» [2, с. 630]. Так что, несмотря на историческую основу на уровне мотива, как доминанту можно рассмотреть именно жертвоприношение.

М. Мосс первым обратил внимание на сходство обрядов казни и жертвоприношения, объяснив эту связь тем, что эволюция «придала изначальным умилостивительным причащением характер наказания» [9, с. 11]. Так и Рене Жирар полагал, что «нет такого насилия, которое нельзя было бы описать в категориях жертвоприношения» [7, с. 7]. По мнению же Ф. Арьеса, уже для средневекового автора «казнь утратила характер торжественного жертвоприношения, исполняющего компенсаторные функции» [5, с. 267]. Однако художественное пространство в повести Л. Андреева характеризуется нестабильностью, что позволяет интерпретировать события с множества различных точек зрения. Дальнейший анализ призван продемонстрировать, как в тексте разворачивается сюжет о жертвоприношении и как изображаются связанные с ним атрибуты и образы. Последующие абзацы будут разворачиваться вокруг одного из образов, связанных с жертвоприношением и вместе с тем хронологически раскрывать сюжет произведения и его ритуальную составляющую.

Царь-жрец.

Начинается повесть с выявления жертвы, министру Н.Н. сообщают подробности предстоящего на него покушения, что можно рассматривать как мифологему царя-жреца, с описания которой начинается знаменитый труд Джеймса Фрезера «Золотая ветвь»: «Претендент на место жреца мог добиться

его только одним способом – убив своего предшественника, и удерживал он эту должность до тех пор, пока его не убивал более сильный и ловкий конкурент» [14, с. 7]. Террористы хотят заполучить власть, но провокатор выдаёт их и вот они уже сами становятся жертвой. Дж. Фрезер также пишет, что в «первобытном обществе царь часто являлся одновременно магом и жрецом» [14, с. 20]. Так и сановник испытывает муки в ожидании перед жертвоприношением, схожие с экстатическим магическим ритуалом: «... и чудилось, будто руки в плече отделяются от тулowiща, зубы выпадают, мозг разделяется на частицы <...> Он усиленно шевелился, дышал громко, кашлял, чтобы ничем не походить на покойника, окружал себя живым шумом звенящих пружин, шелестящего одеяла» [3. Т. 3.49]. А поскольку мифологема восходит к мифу о Диане Лесной, то она связана со священным древом, и пока то оставалось нетронутым, жрец мог не бояться нападения. Так и террористы покушаются на своего рода «древо государственности».

Символ огня

Дальше в повествовании возникает и типичный для жертвоприношения символ огня: «Трудно было поверить, что это у него так много власти, что это его тело, такое обыкновенное, простое человеческое тело, должно было погибнуть страшно, в огне и грохоте чудовищного взрыва» [Т3.51]. Его присутствие означает одну из стадий ритуала, именуемую нагреванием. С. Токарев считал, что «идея огненного очищения присутствует в самых различных формах буквально во всех религиях» [12, с. 28].

Суррогатная жертва

Министр избегает своей участи, террористы же, четверо из которых должны были взорвать себя, отправляются в тюрьму, где им и выносят приговор смертной казни. Жертвоприношение так или иначе должно состояться, меняется только его значение. Как пишет О.В. Кузнецова: «Вступая на путь ритуальных жертвоприношений, у человека отрезается или затрудняется путь назад» [9, с. 95]. То есть жертва сановника оказывается ложной. Именно так Ж. Бодрийяр и объясняет символический обмен: «В плане жертвоприношения, где исключаются всякие моральные соображения о невиновности жертв, заложник является заместителем <...> «террориста», его смерть заменяет собой смерть террориста, да они могут и слиться в одном жертвенном акте» [6, с. 99].

Строительная жертва

Герои-террористы приносят строительную жертву, становясь фундаментом будущей революции. Э.Б. Тайлор пишет, что этот обряд удерживается во многих культурах до сих пор и «имеет своей целью либо умилостивление жертвой духов земли, либо превращение души самой жертвы в покровительствующего демона» [11, с. 87].

Подходящая жертва

Иван Янсон же режет своего хозяина, за что суд также выносит ему смертный приговор, на что тот отвечает: «Она сказала, что меня надо вешать.

Меня не надо вешать» [Т3. 61]. Герой как бы вводит критерий жертвы, под который сам не подходит. Р. Жирар пишет о пригодности жертвы следующее: «Отсутствует <...> тип социальной связи <...> из-за которого против индивида нельзя было бы применить насилие, не подвергаясь репрессии со стороны других индивидов» [7, с. 22]. И в этом смысле Янсон идеальная жертва, у которой не осталось ни одной подобной связи.

Идеальное жертвоприношение

Мишка Цыганок за многочисленные убийства также приговаривается к смертной казни, на что тот отзыается: «Во чистом поле да перекладинка. Верно!» [Т3. 68]. Однако в тюрьме ему предлагают должность палача, он представляет себя жрецом в красной рубахе, но возможность уходит и тогда Татарин озадачивается идеальным жертвоприношением для себя. Цыганок исполняет ритуальную песнь: «Стал на четвереньки посреди камеры и завыл дрожащим волчьим воем. Был он как-то особенно серьезен при этом и выл так, будто делал важное и необходимое дело» [Т3. 71]. Его волнует, что новый палач мог не успеть набить руку или что надзиратели пожалеют мыло, то есть ритуал, который он сам для себя задумал, может пойти не по плану, и тогда его ждут последствия страшнее.

Священная жертва

Для Муси же казнь романтизована: «Её, молоденькую, незначительную, сделавшую так мало и совсем не героиню, подвергнут той самой почетной и прекрасной смерти, какою умирали до нее настоящие герои и мученики. С непоколебимой верой в людскую доброту, в сочувствие, в любовь она представляла себе, как теперь волнуются из-за нее люди, как мучатся, как жалеют...» [Т3. 80]. Здесь встаёт вопрос о привилегированном и даже достойном положении жертвы. Авторские симпатии также очевидно на стороне жертв. Бедные люди получают спасение через героическую смерть. Так же именно Муся высказывает напрямую, что не смогла принести в жертву сановника и поэтому сама стала жертвой: «Ведь она действительно не виновата, что ей не дали сделать всего, что она могла и хотела, — убили её на пороге храма, у подножия жертвенника» [Т3. 81]. Она полагает, что, пройдя через жертвоприношение она будет «принята в лоно, она правомерно вступает в ряды тех светлых, что извека через костер, пытки и казни идут к высокому небу» [Т3. 81]. И это не противоречит логике, поскольку, как замечал М. Мосс «при всяком жертвоприношении объект переходит из сферы мирского в сферу религиозного, «он освящается» [9, с. 15].

Таким образом, у каждого героя складывается собственные понимание смерти и значения своей жертвы.

Центральный обряд

Когда героев выводят из тюрьмы «одна за другою мягко подкатывали темные кареты, забирали по двое, уходили в темноту, туда, где качался под воротами фонарь. Серыми силуэтами окружали каждый экипаж конвойные...» [Т3. 100]. Как бы в преддверии ритуала жертв окружают. И тогда герои

испытывают экстаз: «И у Вернера начинала кружиться голова. И казалось минутами, что они едут на какой-то праздник» [Т3. 102]. Ж. Батай считал, что «своей кульминации ритуал достигает только если его участники охвачены крайним ужасов во время жертвоприношения» [5, с. 55]. Вновь возникает символика огня: «В фонаре сильно коптела лампа, и уже покрели вверху стекла» [Т3. 103]. Цыганок предлагает попробовать податься с конвойными, на Вернер эту возможность отрицает, ведь ритуал согласно М. Моссу должен происходить «до конца без перерывов и в строгом ритуальном порядке» [9, с.36]. Вновь ужас жертвоприношения обозначается повседневностью происходящего: «Бежали вагоны, в них сидели люди, как всегда сидят, и ехали, как они обычно ездят; а потом будет остановка, как всегда — «поезд стоит пять минут» [Т3. 106].

Героев везут на поляну в лес, они начинают петь, но не хором, а один за другим, как бы произнося необходимую для свершения ритуала магическую фразу: «Мою любовь, широкую, как море, вместить не могут жизни берега» [Т3. 109]. На рассвете героев казнят, принося в жертву восходящему солнцу и морю вокруг. Жан-Люк Нэнси пишет, что «Рассвет и есть начертание черты, предъявление места. Рассвет — единственная среда для тел, не выживающих ни в пламени, ни в холода (солнечное мышление приносит тела в жертву, лунное превращает их в фантасмагорию)» [10, с. 75]. В соответствии с принципом жертвоприношения (по М. Моссу) «смерть должна быть молниеносной» [9, с. 43]. Хронотоп свершившегося жертвоприношения завершает сцена, когда прекрасное вновь сопряжено с уродством: «Складывали в ящик трупы. Потом повезли. С вытянутыми шеями, с безумно вытаращенными глазами, с опухшим синим языком, который, как неведомый ужасный цветок, высывался среди губ, орошенных кровавой пеной, — плыли трупы назад, по той же дороге, по которой сами, живые, пришли сюда. И так же был мягок и пахуч весенний снег, и так же свеж и крепок весенний воздух» [Т3. 112]. Трупы именно «плыли», словно их тела уже наполнились (по М. Моссу) сакральной силой, исключающей <...> из профанного мира» [9, с. 46].

Таким образом, пусть так и не задумывалось автором, сюжет рассказа архитектонически воспроизводит структуру жертвоприношения и находится в образном отношении в глубокой связи с архаическими верованиями. Данная же статья открывает рассмотрение смертной казни в дискурсе жертвоприношения.

Список использованной литературы

- 1) Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Выпуск 3. М.: Издание «Научного слова», 1910. 138 С.
- 2) Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. Том 6. М.: Наука, 2013. 758 с.
- 3) Андреев Л.Н. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 3. М.: Художественная литература, 1994. 655 с.

- 4) Альес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
- 5) Батай Ж. Теория религии. Минск.: Современный литератор, 2000. 352 с.
- 6) Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет», 2000. 387 с.
- 7) Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
- 8) Кузнецова О.В. Жертвоприношение в архаических верованиях и культурах // Тамбов.: Грамота. №3(77): в 2-х ч. Ч.2, 2017. С. 94-99.
- 9) Мосс М. Очерк о природе и функции жертвоприношения // Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
- 10) Нэнси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. 256 с.
- 11) Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- 12) Токарев С. А. О жертвоприношениях // Этнографическое обозрение. №5. 1999. С. 24-35.
- 13) Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии религии. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. 976 с.

Аннотация: В статье представлена новая интерпретация «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева. Мотивы жертвоприношения выявляются через призму многочисленных религиоведческих, антропологических и философских трудов. Показывается, как в тексте рассказа функционируют мифы о жертвоприношении. Сюжет произведения также рассматривается в соответствии со структурой обряда, как и связанные с ним атрибуты и образы – царь-жрец, суррогатная жертва, строительная жертва, имущество жертвы и др.

Ключевые слова: Л. Андреев, «Рассказ о семи повешенных», жертвоприношение, жертва, обряд, смерть.

MOTIVES OF SACRIFICE IN L. ANDREEV'S SHORT PROSE

Podryadnov S.A.

V.N. Krylov KFU

Kazan, Russia

Abstract: The article presents a new interpretation of L. Andreev's "The Tale of the Seven Hanged Men". The motives of sacrifice are revealed through the prism of numerous religious, anthropological and philosophical works. It is shown how the myths of sacrifice function in the text. The plot of the work is also examined in accordance with the structure of the ritual, as well as the attributes and images associated with it - the king-priest, surrogate sacrifice, building sacrifice, property of the victim, etc.

Key words: L. Andreev, «The Tale of the Seven Hanged Men», sacrifice, ritual, death.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ПОЭЗИИ В СТИХОТВОРНЫХ ЦИКЛАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ (А.А. АХМАТОВОЙ И А. БЛОКУ)

Скоробогатова Е.Е.,
студент 4 курса

Таганрогский институт имени А.П. Чехова

г. Таганрог, Россия

elizavetaevgeneva@mail.com

Научный руководитель — Зотов С. Н.,